

Т.П. Буслакова

Поэма «Русь советская» <1924>

К жанру поэмы Есенин впервые обращается в 1913–1914. Наряду с воплощением в крупной поэтической форме эпических, исторических по преимуществу, сюжетов («Марфа Посадница», «Ус» —1914), в его творчестве формируется жанр лирической поэмы («Русь», 1914). В дальнейшем обе эти модификации развиваются, позволяя поэту обратиться к осмыслению современных событий, творческих проблем, определению своего места в истории родной страны и русской литературы.

В 1924 году, в последний раз побывав на родине, Есенин в ряде поэм создает образ новой России («Русь советская», «Русь бесприютная», «Русь уходящая» —1924). В них совмещаются три ракурса: реалистическое изображение увиденного в «краю осиротелом», взгляд из «прекрасного далека» (поэмы пишутся во время пребывания на Кавказе) и вечная привязанность к «Шестой части земли». Это позволяет создать многостороннюю картину, в которой сочетаются социальная и нравственная проблематика, злободневность и стремление к историко-философскому обобщению, объективная достоверность и лирическая взволнованность.

«Русь советская» — лирическая поэма, герой которой автобиографически близок автору. Это «поэт», через восемь лет вернувшийся в родное село и заставший там расцвет «иной жизни», чуждой и «незнакомой» ему. Прошлое и настоящее разделил «ураган», унесший жизнь «многих» и переменивший самого героя («Уже ты стал немного отцветать...», «Ах, родина! Какой я стал смешной»). Но эта антитеза оказывается поверхностной, продиктованной обидой на уходящую молодость, которую побеждает «голос мысли»:

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин...

Более глубоким основанием для неприятия окружающего является забвение творчества героя, то, что его «поэзия здесь больше не нужна», а стремление «души бунтующей» «к неведомым пределам» непонятно и чуждо («Ни в чьих глазах не нахожу уют»). Дисгармония отношений с миром передается с помощью оксиморона:

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той **грустной радостью**, что я остался жив?..

В поэме развиваются мотивы, известные по лирическим произведениям Есенина, однако, благодаря тому, что герой приобретает эпические черты, в его переживании высвечивается объективная закономерность. На первый взгляд, жизнь в новой России «кипит», озаренная «новым светом», «Вокруг... снуют//И старые и молодые лица», «крестьянский комсомол» поет «другие песни», чувствуя себя гражданами «уж не села, а всей земли». Реалистическая достоверность бытовой сценки заставляет взглянуть на происходящее иначе.

В воскресенье «сельчане» собираются, чтобы обсудить свою «жизнь», только теперь они ходят не в церковь, а к «волости». Их «корявые, немые речи» воспроизводятся в воспоминаниях одного из них — «красноармейца с ликом сонным». Он «важно» рассказывает о гражданской войне:

«Уж мы его — и этак и раз-этак, —
Буржуя энтого... которого... в Крыму...

К этому добавляются «агитки Бедного Демьяна», «веселый крик» комсомола и оханье «баб». Прямой оценки героя мы не услышим. Он лишь свидетельствует, что его знание народа было иллюзией. Впечатление, произведенное на него «языком сограждан», передает неожиданное на фоне возвышенно-поэтической («отчий дом», «проходят роем думы», «пиит», «Что родина?//Ужели это сны?») и нейтрально-описательной лексики просторечие:

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?..

Однако поражен не только он: «морщатся ушами длинных веток» клены, да и вся картина природы по настроению противоречит собранию «сельчан» — его окружает «немая полутьма», «канавы», «серые поля», освещенные не «новым светом», а закатным солнцем. Следы разрушения, произведенного «ураганом», — это еще не залеченная рана:

Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли...

Герою поэмы, как «Пророку» М.Ю. Лермонтова (1841), внятна и «покорна» «тварь... земная», но чужды «ближние», хотя и не бросающие в него «каменья», но забывшие о том, что их «село»

...лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита...

Аналогия с лермонтовским стихотворением, возникающая благодаря целому ряду образов («птица», «пепел», «пилигрим угрюмый», «смешной» для «старцев» и «детей») и мотивов (возвращение «Бог весть с какой далекой стороны», одиночество, непонимание, чуждость «народу»), проявляет скрытый смысл антитезы «новое — старое». «Октябрь и май», переиначив жизнь людей, не отменили «завет предвечного», носителем которого чувствует себя герой.

Отдавая дань социальной правоте происходящего в России, признавая необходимость для поэта «сослужить» родному краю, когда он «был... болен», герой видит высшее призвание поэта в верности вечным идеалам дружбы, гармонии с природой, красоты, искусства, духовности (не случайно расцвет «иной жизни» он сопровождает пожеланием: «Цветите, юные! И здоровейте телом!»).

Написанная вольным ямбом, поэма воспринимается как рассуждение, размышление на важнейшую для автора в 1920-е годы тему — судьбы поэта в России. Благодаря пушкинской реминисценции («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), особое значение приобретает мысль о противоречии общества и личности. Повторяя вслед за напутствием пушкинского стихотворения («Хвалу и клевету приемли равнодушно...»):

Приемлю все.
Как есть все принимаю...,

герой есенинской поэмы остается верным «вельню Божию», доверяя «только лире милой». Ее «песни нежные» «заглушают» не только «голос мысли», но и «ураган» истории. «Все существо» личности поэта обращено к будущему, когда исчезнет «вражда», «ложь», разделение на «чужое» и «родное». Он идет «один к неведомым пределам» и выбирает этот одинокий, «грустный», «угрюмый», «смешной» и «чужой» для современников путь, чтобы сохранить верность своему предназначению:

Но и тогда,	Я буду воспевать
Когда во всей планете	Всем существом в поэте
Пройдет вражда племен,	Шестую часть земли
Исчезнет ложь и грусть,—	С названьем кратким «Русь».